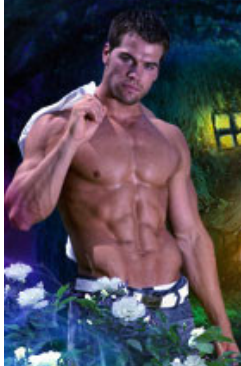

Надежда Волгина

Моя нечисть

Надежда Волгина

Моя нечисть

Серия «Вечная любовь»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50063744

Аннотация

Не спеши винить всех вокруг в своих несчастьях. Хорошенько подумай, прежде чем сделать что-то, что в мире духов считается тяжким грехом. За это могут наказать и отправить на перевоспитание к нечисти. А там придется учиться выживать, надеясь только на собственные силы. Да еще и нечисть, наставник, может оказаться настолько привлекательным, что ты окончательно потеряешь голову – влюбишься в него без памяти. Только вряд ли вам разрешат быть вместе, потому что он – бессмертный и могучий, а ты – простая девушка, постоянно совершающая ошибки.

Надежда Волгина

Моя нечисть

– Даш, ты чего какая?..

Вика смотрела на меня так, словно я только что мутировала на ее глазах. Хотя, возможно именно так я и выглядела, когда заходила в наш маленький уютный кабинетик, где проработала старшим бухгалтером три года. Проработала. Вот оно ключевое слово сегодняшнего дня и всей моей ничемной жизни. Сегодня меня уволили. За десять минут до окончания рабочего дня начальница вызвала меня к себе и сообщила эту новость. Так спокойно, будто речь шла о выборе супа в местной столовке.

– Нам урезали фонд оплаты труда, что повлекло за собой сокращение штата, – вальяжно откинувшись в кресле и крутя карандаш в наманикюренных пальцах, нараспев проговорила она. – В каждом отделе под сокращение попадает один человек. В бухгалтерии выбор пал на тебя.

– Почему я?

Спросить что-то еще я не могла, не придумала. Да и толку спрашивать? Ответ и так ясен. Не пресмыкалась, не умела льстить, не бегала к ней с каждой мелочью... Таких не любят, даже если по работе нет замечаний. Даже присесть она мне не предложила, заставила переносить унижение на ногах. А иначе, как к унижению, я не могла относиться к тому, что

последовало далее.

– Напишешь заявление по собственному. Конечно же, без обработки, с сегодняшнего дня.

Мелькнула мысль поспорить, настоять на сокращении по всем правилам с выплатой полагающегося пособия. Но это был миг, а потом я поняла, что спорить не буду, что это выше моих сил. Не уволюсь сама, она найдет, за что это сделать. Только мне будет еще хуже.

– Я увольняюсь, – посмотрела я на Вику, с которой мы были почти подругами, но исключительно на работе. Вне ее даже не общались.

– Как?!

Кажется, она и правда удивилась. А может, все уже давно знали, только я оставалась в неведении. Но какое теперь это имеет значение.

– А вот так, – нарочито бодро ответила, чувствуя, как в душе разрастается пустота. Увольнение стало лишь очередной галочкой в череде моих личных неудач. Но всем об этом знать совсем необязательно.

Быстренько нацарапав заявление и собрав личные вещи, которые все поместились в дамскую сумочку, я попрощалась со всеми, точно зная, что никого из них больше не увижу. Вряд ли мне захочется заскочить к ним на чай или поделиться новостями. Сейчас я не была уверена, что мне вообще чего-то захочется.

В свою маленькую квартирку в центре города, где еще

месяц назад жила с бабулей, пока не похоронила ее, я возвращалась на автопилоте. Не замечала ничего. Того, что на улице, наконец-то, наступило лето после затяжной холодной весны, что ярко светит солнце, хоть и бликует уже по вечернему, что птицы щебечут, как ненормальные, перед тем, как устроиться на ночлег... Я не видела ничего. А все потому что думала. Думала так, как не делала этого никогда раньше. Лихорадочно, пытливо, болезненно.

Месяц назад я потеряла единственного родного человека. Через пять дней меня бросил Игорь. Хотя, с ним у нас уже давно все было плохо. И нет бы, мне перевернуть эту страницу и забыть, вместо того, чтобы занести в список. Но факт того, что инициатива исходила от него, очень сильно поколебал мою уверенность в себе. Вторая галочка. Неделю назад меня обворовали. И жили мы с бабулей небогато, но она всегда откладывала на черный день. Эта заначка пряталась у нас в постельном белье, по старинке. И воры ее без труда нашли. Третья галочка. А теперь меня еще и уволили. Как там говорить – Бог не дурак, любит пятак? Что? Что еще может случиться такого, из-за чего я буду чувствовать себя еще несчастнее?!

В какой-то момент я поняла, что стою посреди тротуара и смотрю на небо. Что я там пыталась разглядеть? Бога, который объяснит мне, чем заслужила все эти неудачи? Это вряд ли... А вот народ уже посматривал на меня подозрительно. Один подросток даже покрутил пальцем у виска. Ну что ж,

наверное, я, действительно, смахивала сейчас на ненормальную.

Кумушки возле подъезда, как обычно, начали приставать с расспросами.

– Что-то ты бледненькая сегодня, Дашенька...

– Не случилось ли чего?..

– Скоро большая родительская, не забудь бабушку навещать...

Заголосили все, как одна. Вечные сплетницы! И чего им всем только надо? Суют свои старческие носы в чужие дела! А не пойти-ка вам всем дружно к лешему, например! Раскудахтались тут, клуши. Еле выдавила из себя вежливую улыбку, да поскорее скрылась в подъезде. Вот сейчас они порезвятся, перемалывая мне косточки-то.

Квартира встретила духотой, тишиной и порядком. Первым делом распахнула все окна и балкон. Но даже вечерний шум улицы, ворвавшийся в жилище, не смог расшевелить ты пустоту, что поселилась в душе.

Какое-то время я неподвижно сидела на диване и невидящим взглядом смотрела на противоположную стену. Как жить дальше? Эта мысль сверлила мозг. Завтра же начну рассылать резюме, но особой надежды, что улыбнется удача, не было. Кому нужен бухгалтер со средне-специальным образованием? Даже трехлетний опыт работы в крупной компании мне вряд ли поможет в трудоустройстве. А это значит, что те деньги, что торжественно вручили мне сегодня в кас-

се, придется растянуть на неопределенное время, пока что-нибудь не подыщу.

Гораздо хуже все обстояло с моим внутренним настроением. Не хотелось ровным счетом ничего. Горечь буквально переполняла. Ее привкус чувствовался даже во рту. Сейчас бы поплакать, выплеснуть со слезами все недовольство жизнью и жалость к себе, но, как назло, глаза оставались сухими. Даже воспаленными какими-то. А еще зарождалась злость. На всех – начальницу-стерву, для которой люди ничтожнее насекомых, на тех, с кем проработала бок о бок целых три года, и которые проводили меня так равнодушно, даже холодно, на бабок возле подъезда, за их всевидящие глаза и злые языки... Но больше всего я злилась на судьбу, что позволила мне чувствовать себя глубоко несчастной. И это в двадцать два года, когда вся жизнь впереди.

Тут я сфокусировала взгляд на стене, на которую до этого смотрела безучастно. Центральное место на ней занимала икона Николая Чудотворца. Неконтролируемая волна злости подкинула меня с дивана и заставила сорвать эту икону. Что ты мне дал? Чем помог? Я всматривалась в изображение мужчины с густой седой бородой и мудрыми уставшими глазами и сжимала рамку все сильнее, пока не почувствовала боль в пальцах. Ничего. Ты мне не дал ничего. Так еще и бабулю не уберег, могла бы жить еще и жить. Насколько мне было бы сейчас легче, окажись она рядом. Ты, что должен творить чудо, только занимаешь место на моей стене! С этой

мыслью я сунула икону под мышку и выскочила из квартиры. Вот тут тебе самое место! – удовлетворенно смотрела я, как изображение в позолоченной раме приземляется на дно мусорного контейнера.

До ночи я занималась уборкой в квартире. Даже не уборкой, а грандиозной чисткой. Несколько раз выносила мусор огромными пакетами под осуждающими взглядами вездесущих сплетниц. Собрала все старые вещи – свои и бабушки, книги, которые годами лежат пылятся, и никто их не читает, игрушки, что остались с детства, потому что жалко было выбросить раньше. Не осталось ни одной полки в шкафах, где не побывали бы мои руки. Все они понесли сегодня существенные потери. Последней была шкатулка с драгоценностями. Ну это я ее так называла. На самом деле драгоценностями там и не пахло. Серьги и кольцо, единственное, что было у меня из золота, я носила, не снимая. В шкатулке хранились те мелочи, что были приятными сердцу бабушки. Она их туда и складывала, а я в детстве любила доставать и смотреть на них.

Я перебирала мои метрики, мои волосы, что хранились тут уже больше двадцати лет, первый зуб... Надо же, бабушка даже его умудрилась сохранить. Фотография-календарь, на которой мы были изображены с бабушкой. Дедушкина медаль ветерана труда. Как жаль, что я его совсем не помню, как и своих родителей. Они все погибли в автокатастрофе, когда мне исполнилось три года. Так порой мелькали ка-

кие-то смутные образы, но они слабо напоминали человеческие.

На глаза попался бабушкин амулет. Который она носила всю жизнь, а перед самой смертью сняла и передала мне. Велела надеть на шею и не снимать, а я его сунула в шкатулку – не любила, когда что-то болтается на шее. Небольшой серый овальный камушек с голубыми прожилками, отполированный в природных условиях, сразу видно, был обрамлен медным проволочным плетением. Цепочка тоже была медная и потемневшая от времени. Я его часто замечала на бабушке и всегда считала странным. Никогда он мне не казался привлекательным, и я не понимала, что интересного находит в нем бабушка. А сейчас мне захотелось надеть его. Прохладный камушек угнезвился на груди, словно и был там все время. Поношу немного, а там посмотрим...

Генеральная уборка вымотала меня до такой степени, что в кровать я буквально свалилась, не чувствуя ног. Зато это помогло, как всегда. Грустные мысли отступили. Даже стало немного стыдно, что вела себя, как идиотка. Вот и икону выбросила – святотатство совершила. Но теперь уже поздно – на улице ночь, да и рыться в мусорке как-то стыдно.

Уже засыпая, я вздрогнула от яркой вспышки в голове. Наверное, приснилось что-то. А еще амулет больно уколол меня. Я даже включила свет и повертела его перед глазами, проверила, не вылезла ли где проволока. Но все было нормально, ничего острого я не заметила. Кроме того, спать

хотелось так, что над этой странностью я решила подумать утром. С этим и уснула.

Да что это за!.. Я отмахнулась от чего-то назойливого и жужжащего и перевернулась на другой бок. В следующий момент вскрикнула и открыла глаза, потому что под ребро уперлось что-то острое, прожигая бок болью. Но!.. Что за чертовщина? Где это я?..

Я смотрела на неестественно большую зеленоглазую муху, что сидела рядом с моим носом и тоже внимательно разглядывала меня, и не понимала ровным счетом ничего. Даже головой потрясла, чтобы отогнать морок. Но лес, в котором я проснулась, никуда не делся, как и пригорок, покрытый мхом, на котором я сидела, тоже. Что происходит?! И как я тут оказалась?!

– А ну, отвечай! – прикрикнула я на муху, да так грозно, что та мигнула несколько раз и взмыла в воздух. – Да, не бойся ты, я не кусаюсь. А вот ты бы запросто могла отхватить у меня приличный кусочек. Сроду таких огромных не видела, – бормотала я, понимая, что слегка заговариваюсь. – Ничего не понимаю... Ведь если это сон, то и муха может оказаться говорящей... Тьфу ты! Чертовщина какая-то!..

Я потеряла глаза и не спешила их открывать. Потом аккуратно приподняла одно веко и поняла, что лес никуда не делся, как и противное жужжание. Правда, самой мухи я уже

не видела. Подглядывает за мной исподтишка, плутовка. И конечно же я была в той самой ночной сорочке, в которую облачилась вчера. Какой-то странный сон – слишком реальный. Вот он мох под моими пальцами. Я ощущаю, какой он мягкая и в то же время вязкий от скопившейся в нем пыли. Утренняя прохлада – ее ведь тоже так отчетливо не испытывают во сне. Да и запах, присущий только лесу, откуда ему взяться?

Постепенно сонливость с меня спадала все больше, и отчетливо понимала, что нахожусь не дома, что каким-то непостижимым образом очнулась в лесу. Кстати, что это за лес? Ближайший от моего дома находится в нескольких километрах.

Снова появилась муха и принялась кружить вокруг меня. Но даже ей я обрадовалась. Все же живое существо, хоть и примитивное, оказалось рядом в момент моего, мягко скажем, необычного пробуждения. Если бы не она, со своими глазищами, меня бы уже сразил приступ паники, который в данный момент только начинал зарождаться. А еще я ровным счетом не понимала, что происходит, и как мне теперь быть.

– Это пятая галочка, да? – всхлипнула я, не в силах больше бороться со слезами и отчаяньем.

– Это искупление грехов, – донесся до меня откуда-то мужской голос, а потом и сам его обладатель появился из-за дерева.

Ох, ничего себе! Какой мужчина! Именно что, какой. Мимо такого невозможно пройти и не обратить внимания. Не то чтобы он был уж сильно хорош собой. Нет. Но от него так и тарашит силой. Каждая клеточка его широкоплечей коренастой фигуры излучает ее. Мышцы бугрятся на оголенных руках, каждая толщиной с небольшое дерево. На ногах, обтянутых кожаными штанами тоже они угадываются, и неслабые. Кулаки подобны кувалдам. В одном из них он сжимает палку, на которую и опирается. Только вот лицо его мне совсем не понравилось. Брови насуплены, ярко-голубые глаза прожигают неприязнью. Интересно, что плохого я сделала лично ему, что смотрит на меня, как инквизитор?

Поняв, что разглядываю его неприлично долго и внимательно, я попыталась отвернуться и мыслить размеренно. Но сначала нужно было прогнать реакцию на слишком экзотический вид этого потрясающего мужчины. Так! А что он только что сказал? Искупление грехов?

– Что вы имеете в виду? – пискнула я и сама не узнала свой голос, так противненько он прозвучал.

– Что вы имеете в виду, – передразнил он меня и получилось похоже. – Только то, что сказал. Вставай, некогда мне тут с тобой, – велел он.

– Я не могу. Я не одета...

Только тут сообразила, что сижу перед ним в одной сорочке, да еще и шелковой с прозрачным лифом, на кокетливых тоненьких бретельках. Господи! Да я же больше голая,

чем одетая! А все любовь моя проклятушая к такому белью. Ну почему я не предпочитаю фланелевые с пуговками под самое горло?! Краска на заставила себя ждать, заливая лицо, шею и даже область декольте, которое я механически прикрыла руками.

– Ох, ну за что мне дурища-то такая? – посмотрел мужик куда-то вверх, состроив мученическую гримасу. Если бы не было так стыдно, то я обязательно бы оскорбилась. – Кому говорю вставай! – подлетел он ко мне, схватил за руку и чуть не оторвал ее, дернув вверх. – Расселась тут, как царица Савская.

И потащил. Я даже не бежала, а практически летела за ним – ноги периодически отрывались от земли. О том, что они у меня босые, никто даже не думал. Наступив в очередной раз на что-то твердое и взыв от боли, я пнула раненой ногой гиганта и заорала:

– Пусти, кому говорю! Угробить меня хочешь?

Откуда ни возьмись снова появилась муха. Теперь она летала от меня к мужику, не зная кого выбрать, в то время как мы пожирали друг друга глазами, словно состязались в поединке не на жизнь, а на смерть.

– Куда ты меня тащишь? Не имеешь права. Я свободный человек, – сдувая прядь с волос с лица и с трудом справляясь с дыханием, проговорила я.

– Да какой ты человек? – скривился он. – Блоха и то благороднее станет. Думаешь, мне охота с тобой возиться.

Навязали на мою голову... Но с духами спорить себе дороже.
– Какими еще духами?!

Тут я всерьез засомневалась, что передо мной стоит адекватный мужчина. Даже не обратила внимания на оскорбительное сравнение с блохой. О каких духах он говорит?

– Последний раз спрашиваю, пойдешь по доброй воле?

– Еще чего! С места не двинусь, пока не объяснишь, где я, как сюда попала...

Дальше я сказать ничего не успела – мужик взмахнул рукой, и я потеряла возможность говорить и двигаться. Все слышала, понимала и видела, но ровным счетом ни на что не могла отреагировать. Он молча подхватил меня, перекинул через плечо и потопал дальше, насвистывая какую-то мелодию.

Собственно, тащил он меня недолго. Через пару минут остановился и скинул на землю, как мешок с картошкой. Синяков от падения на моем бедном теле прибавилось. Способность двигаться ко мне тоже вернулась почти сразу. Я осмотрелась и поняла, что нахожусь возле нелепого сооружения из соломы. С виду оно было похоже на сноп сена с кисточкой на макушке.

– Что это? – стараясь вести себя интеллигентно, насколько позволяло положение сидя на земле и растирая ушибы, даже уже не пытаясь прикрыться, спросила я. Лезть на рожон в очередной раз побоялась, а ну как опять заколдует. Да и в голове сгущался странный туман, мысли в котором барахта-

лись все медленнее. Этого просто не может происходить со мной на самом деле! – была главная из них.

– Шалаш. Теперь это твой дом.

Я так и осталась сидеть с открытым ртом. Не могла выдать из себя ни слова, только чувствовала, что тарашусь на него все сильнее. Глазницы аж ломить начинало.

– Ладно. Ты тут осваивайся. А у меня дела. Вечером загляну.

И был таков. И тут нервы мои не выдержали, и я заскулила, как раненая собака, с подвываниями и горестными всхлипами. Мамочки мои! Да что же со мной происходит? Кто и за что меня так наказывает? Как мне выбраться из этого леса?

Тут меня аж подбросило с земли. Ну конечно! Надо выбраться отсюда. Именно это я сейчас и сделаю. Осталось определиться, в каком направлении идти. Я озиралась по сторонам, пока не поняла, что выбрать путь не в состоянии. Я совершенно не знаю этот лес, в какой части нашей области он расположен. Не знаю и того, в какой стороне мой родной город. Так какая мне разница, куда идти? Именно так я и поступила – пошла, куда глаза глядят, свято веря, что рано или поздно выйду к человеческому жилищу.

Я шла уже часа два по примерным прикидкам. Ноги всюю ломило от усталости, а конца и края лесу не наблюдалось. Увидев далеко впереди просвет между деревьями, я едва не расплакалась от радости и бросилась к нему со всех ног и из последних сил. Главное выбраться, главное выбраться... Но

достигнув просвета, я едва не умерла от горя. Я стояла на том самом месте, из которого бежала. Передо мной был все тот же нелепый шалаш из соломы. И коварное солнце, что мощным пучком света заливало крохотную полянку, скорее всего, сейчас смеялось надо мной изо всех своих солнечных сил.

Физическое истощение и расшатанные нервы сделали свое дело, я повалилась в обморок, так и не проверив шалаш изнутри.

Очнулась я все на той же поляне с дикой головной болью. Солнце висело прямо надо мной огромным слепящим диском и палило вовсю. Кажется, я получила тепловой удар. Словно в подтверждение, меня затошнило и вывернуло прямо тут, на поляне перед «домом». Пить хотелось нещадно, и я поползла к шалашу, в надежде, что там кто-нибудь догадался оставить для меня воды. Каково же было мое отчаяние, когда поняла, что эта ветхая постройка совершенно пустая внутри. Там не было ровным счетом ничего, кроме соломенных стен и ставшего моментально ненавистным запаха сена. Хорошо хоть тут царила прохлада.

Каждый поворот головой отдавался в ней простреливающей болью. Я легла на землю закрыла глаза и старалась ни о чем не думать, готовая к долгой и мучительной смерти. Такой меня и застал новый знакомый, вернее, тот, чьего имени я не знала и знать не хотела.

– И чего ты разлеглась? – спросил он, возвышаясь на по-

роге и перегораживая собой весь свет.

В ответ я смогла только промычать. От сухости во рту язык прилип к небу.

– Эй, ты чего? Уж не помирать ли собралась? – он присел возле меня и перевернул на спину.

Я слышала, как с глухим стуком откинулась моя безвольная рука, скривилась от боли, что вновь прострелила голову.

– Ты вообще, чем занималась? – он притронулся к моему лбу и в следующий момент приглушенно выругался. – Даже воды не догадалась напиться...

Хотела бы я ответить, как, интересно, смогла бы это сделать, если поблизости нет ничего питьевого, и никто не догадался оставить воды в шалаше, но вряд ли смогла бы это сделать, да и он куда-то исчез. Наверное, я опять провалилась в забытие, потому что в следующий раз очнулась, от того что к моим губам прижали что-то холодное, и живительная влага полилась в рот. Я глотала ее, как очумелая, вцепившись во флягу обеими руками. Все это время его руки поддерживали мою голову, чтобы не захлебнулась.

С каждым глотком мне становилось все легче. Даже головная боль значительно притупилась, и я смогла посмотреть на своего спасителя и поблагодарить его.

– Как можно быть такой беспечной?! – вместо ответа набросился он на меня с упреками. – Трудно было зайти за шалаш и напиться из источника?

– Откуда же я знала, что он там есть?!

Моему возмущению вообще не было предела. Получается, все то время, что умирала от жажды, вода была на расстоянии вытянутой руки от меня? Я даже не знала, чего мне больше всего хочется в этот момент – наброситься на мужчину с кулаками, устроить самоизбиение или вволю посмеяться над собственной глупостью и непрозорливостью. Наверное, всего и сразу. Но вместо этого я посмотрела на того, кто продолжал поддерживать меня своей огромной лапшой, пытаюсь сделать взгляд максимально трогательным, и спросила:

– Где я? И почему мне нельзя домой?

– Ты пыталась уйти, – утвердительно кивнул он. – И вернулась опять на это место.

– Почему? – встрепенулась я. – Этот лес заколдован?

– Именно.

– А кто ты?

– Леший. Иван, – схватил он своей ручищей мою и потряс ее в приветственном жесте. – Тебя как зовут?

– Даша, – прошептала я, так как голос снова куда-то исчез. – Но ты не похож на лешего, – осмотрела я его довольно современный прикид и вполне себе модную стрижку на чернявой голове.

– А каким я должен быть? – хохотнул Иван. – Лохматым, бородатым стариком в обносках? Тогда, каждый второй бродяга у вас может называться лешим, – тут он уже откровенно рассмеялся, откидывая голову и выставляя мощный кадык

на бычьей шее.

Моя же голова при этом мелко затряслась и снова заболела. Я была вынуждена высвободиться из его рук и отодвинуться подальше, хоть даже самой себе не признавалась, как приятно было прижиматься к нему.

– Пойдем. Накормлю тебя и расскажу все по порядку. В конце концов, ты должна узнать правду.

Он поднялся с земли и подал мне руку.

Как хорошо, что он не шел рядом, а двигался впереди меня. Я все больше комплексовала в его присутствии от своего слишком откровенного наряда. Но самое главное, ума не прилагала, чем тут можно прикрыться. Не листьями же мне обвешиваться. Хорошо хоть на дворе лето. Хотя, зимой, кажется, лешие торчат где-то под землей, на поверхность не выползают. Я даже остановилась, в очередной раз осознав всю дикость и нереальность ситуации, в которой оказалась. Леший Иван! Какой ужас! Я сроду не верила во всякую фантастическую чушь. Я и сейчас в нее не верю, как и в то, что это я иду за плечистым мужиком, полуголая, по лесу. Ах да! И лес-то это не простой, а волшебный!

За размышлениями я не заметила, как Иван остановился возле дерева с огромным в объёме стволом. С разбегу врезалась в него. Вот это у него мышцы! Я даже почувствовал боль от удара.

– Пришли, – не обращая на меня внимания, проговорил он.

– Да? И где же твой дом?

Я вертела головой в разные стороны, но ничего, похожего на человеческое жилище, не замечала.

– Вот он, – спокойно пояснил Иван, любовно проводя ладонью по шершавой поверхности дерева.

Глазам своим не поверила, когда увидела, как на стволе появилась дверь, словно только что ее кто-то нарисовал ярко-зеленой краской. Иван тут же распахнул ее и галантно пропустил меня вперед.

Моим глазам предстала довольно просторная комната с большим овальным столом посередине. По бокам, вдоль стен тянулись деревянные лавки с изогнутыми ножками. Никаких окон и в помине не было, но откуда-то сюда проникал свет. Спрашивать откуда я не стала, боясь потерять челюсть, которую и так приходилось все время подтягивать.

– Присаживайся, – указал мне Иван на лавку и куда-то исчез.

Видимо, из этой комнаты был вход еще в одну. Наверное, спальню, но проверять я не стала. И отчего-то лицо опять запылало, словно меня окунули в кипяток.

– Вот, прикройся, – вновь появился Иван и кинул мне на колени что-то типа куска мешковины. – Я хоть и леший, но все же мужчина. И не смотреть на твои прелести не могу.

Снова лицом в кипяток. Мне аж самой стало трудно дышать. Руки задрожали, и ладони вспотели. Еле-еле закуталась в ткань, обмотав край ее на талии и связав узлом на спи-

не. Сразу же стало намного спокойнее, когда спрятала свои «прелести», как он изволил выразиться.

Пока я возилась с накидкой, на столе, как по волшебству, появилось столько блюд, что глаза разбежались, а рот наполнился слюной. Как же я проголодалась, оказывается, за целый-то день. Что б я так жила! Взмах рукой – и получай изобилие. Я подошла к столу. Чего там только не было! Мясо жареное, в каком-то соусе, картофель отварной, источающий запах чеснока и зелени, домашний сыр, мясо копченое, рыба запеченная...

– Да тут еды на целый полк, – не выдержала и прокомментировала я.

– Люблю вкусно поесть, – улыбнулся Иван и опустился за стол, приглашая меня последовать его примеру. – Налетай, – скомандовал он.

Поесть он и правда любил. В иные моменты я даже забывала, что сильно голодна, наблюдая, с каким аппетитом он поглощает пищу, как у него это ловко, даже элегантно, получается. Изысканный обжора, пришло в голову сравнение. Еле удержалась, чтобы не рассмеяться. Правда, вовремя вспомнила, в каком положении оказалась сама, и загрустила снова.

Когда с едой было покончено, и я сыто откинулась на спинку лавки, Иван все тем же мановением руки «убрал» со стола, облокотился на него и посмотрел на меня исподлобья.

– Наверное, ты хочешь узнать, почему оказалась тут? –

вкрадчиво спросил он.

В горле внезапно пересохло от подступившего страха. Я только и смогла, что кивнуть.

– А ты вспомни вчерашний день. Чем занималась...

Лучше бы он этого не говорил. Я сразу все вспомнила. За переживаниями сегодняшнего дня, те проблемы отошли на второй план, а сейчас опять принялись сверлить мозг.

– Ничем особенным, – зло буркнула я.

– Вот именно! Ты занималась ерундой. По большей части жалела себя и проклинала все на свете, тогда как тебе дано такое счастье, как жить!

На последнем слове он поднял палец и смотрел на меня так, как обвинитель в суде.

– Велико счастье...

– Что?!

Я даже рот еще не успела закрыть, как он закричал, вскакивая из-за стола. Я же чуть не свалилась с лавки от страха, но коленки противно затряслись. Я смотрела на этого огромного мужчину, что приближался ко мне сейчас по кошачьи крадучись, и понимала, что захоти он меня ударить, убьет на месте. Слава Богу, этого не случилось. Он лишь навис надо мной и заглянул в глаза.

– Что ты сказала? Ты правда так думаешь или только прикидываешься дурочкой? – нависал он надо мной все ниже, так что я даже попятилась от него. – Да знаешь ли ты, как повезло тебе родиться смертной, прожить нормальную чело-

веческую жизнь, испытать радости и горести на жизненном пути?.. Да что с тобой говорить, – махнул он рукой и, слава Богу, отошел от меня на безопасное расстояние. – Правду у вас говорят, что красивые женщины редко бывают умными.

Ну, во-первых, никакая я не красавица. Сроду себя такой не считала. Не уродина, конечно, но и ничего выдающегося. Средний рост, худощавая фигура, грудь меньше, чем хотелось бы, разве что глаза необычные. Бабушка всегда говорила, что во мне странным образом сочетаются светло-русые волосы и глаза цвета спелых маслин, черные, значит. Я же и в этом ничего особенного не видела.

А во-вторых, меня еще никто так в жизни не оскорблял, называя в глаза душой.

– Знаешь что! А не пойти ка тебе куда подальше! – почти закричала я. – Кто дал тебе право оскорблять меня?! Ты сам-то кто такой? Обычный лешак, да и то вряд ли... Не верю я во всю эту нечисть. И если ты фокусник и пытаешься меня ввести в заблуждение, то пожалеешь об этом. Одного не пойму, зачем я тебе?

Реакция Ивана оказалась не такой, как я рассчитывала. Какое-то время он внимательно рассматривал меня, а потом и вовсе рассмеялся. Это показалось мне настолько оскорбительным, что на глазах выступили злые слезы.

– Вот теперь я понял, почему тебя сюда прислали, – отсмеявшись, проговорил он. – Никогда еще не встречал таких недалеких, эгоистичных и самовлюбленных особ. Ну что

ж... тебе предстоит тут многому научиться.

– Да не хочу я ничему учиться! Покажи мне дорогу домой, и я оставлю тебя в покое.

– Если бы я мог, то непременно так бы и сделал. Возиться с такой, как ты, желания нет. Но тут от меня мало что зависит.

Он снова опустился на лавку напротив меня и заговорил уже совершенно официальным тоном:

– Тебя наказали. За то, что не ценишь жизнь, не веришь в божественное ее создание. Вчера ты совершила убийственное святотатство – отнесла на помойку икону. А знаешь ли ты, кем при жизни был тот, чей лик увековечили?

Он пытливо смотрел на меня, а я лихорадочно пыталась вспомнить, как звали того святого на иконе. Кажется, Николай Чудотворец. И что? Раз он святой, то все обязаны ему поклоняться? Отвечать на дурацкие вопросы не сочла нужным. Даже отвернулась для пущей важности.

– Он спасал людей, вытаскивал их из глубин морских, выносил на сушу и возвращал домой. Вызволял из темниц, исцелял слепых, хромых, глухих, немых... Бедствующим давал кров, голодным – пищу. Всем был заступником. И даже после смерти не перестал защищать людей. А ты его на помойку... Э-эх... – укоризненно покачал Иван головой.

Ну хорошо, мне стыдно за свой тот поступок. Но и меня можно понять – нервы сдали.

– Если тебя интересует лично мое мнение, в чем я сомне-

ваюсь, – продолжал он, – то наказание твое слишком мягкое. Но так рассудили духи. Меня же назначили твоим наставником и учителем. Вот завтра и приступим к обучению. А сейчас уже поздно, мне спать пора, а тебе – отправляться восвояси.

– Не выгонишь же ты меня на ночь глядя? – возмутилась я.

– Еще как выгоню. Дорогу к шалашу, надеюсь, запомнила? Ах, вот еще что...

С этими словами он скрылся из комнаты и вернулся с каким-то тюком.

– Завтра соорудишь себе одежду. Негоже расхаживать передо мной, да другими лесными жителями в одном исподнем. Будем считать, что это первое твое задание. А сейчас, давай-ка, иди к себе.

Сунув мне в руки тюк, Иван бесцеремонно поднял под локоток меня из-за стола и подтолкнул к двери. Через секунду я оказалась в пугающе темном лесу. Обернулась, но двери на дереве и след простыл.

Умирая со страху, я добежала до шалаша и забралась внутрь. Зубы выколачивали барабанную дробь, а глаза таращились в темноту. Мамочки родные, как же мне пережить эту ночь?

Ночью я проснулась от жуткого воя. Накануне долго не могла заснуть, ворочаясь на том, что с трудом можно было

назвать ложем, и которое мне удалось соорудить из тех тряпок, что сунул мне Иван. Когда проснулась, поняла, что сама скованна ужасом, а на голове шевелятся волосы. Что-то было так пронзительно и совсем рядом с шалашом. Воображение сразу же нарисовало оборотня – огромного, с вытянутой мордой и капающей из пасти кровавой пеной. Его вой все приближался. Еще чуть-чуть и он ворвется ко мне, чтобы зверски растерзать, если, конечно, раньше шалаш не развалится, потому что его буквально крутило от сильного ветра.

Когда с крыши на меня посыпалась солома, я поняла, что нужно действовать. Страх уже давно перерос в панику и находиться внутри я больше не могла. Бежать! Куда угодно, лишь бы подальше отсюда, от этого проклятого места. Никакие монстры меня не могли остановить – паника лишала остатков разума.

Я выскочила из шалаша и понеслась быстрее ветра по лесу, налетая на пни, спотыкаясь о корни деревьев. Падала, вновь вставала и неслась вперед, не чувствуя боли. В висках пульсировала кровь, и ветер свистел в ушах. В какой-то момент я упала и поняла, что подняться нет сил. Моментально проснулись остальные чувства – мое тело превратилось в сплошной синяк и жутко болело. Зато стих ветер, отметила с удивлением, и вой куда-то пропал. Может, мне удалось убежать от монстра?

Я лежала на земле и прислушивалась к тишине, так свойственной ночи. Именно таким должен быть лес в это время

суток, и откуда взялись вой и ветер, ума не прилагала. Может, все это родилось в моем больном воображении? А на самом деле ничего и не было? И тут мои размышления прервались самым неестественным образом – какая-то сила оторвала меня от земли, пронесла несколько метров над ней, перевернула вертикально и прижало к дереву. И глазам моим предстал он – лесное чудище. Огромное, угловатое, рогатое и с горящими глазами. Как вообще умом не тронулась в тот момент, осталось для меня загадкой, только завизжала я так, что у самой едва перепонки в ушах не лопнули, и принялась брыкаться, как буйно помешанная.

Кажется, я изодрала себе руки до костей об то острое, что заменяло чудищу конечности. Да и ноги мои тоже активно участвовали в сражении. Но обо всем этом в тот момент я не думала, продолжая орать и пинаться.

– Да, угомонись ты уже! – донеслось до меня в перерывах между криками.

Голос показался смутно знакомым, и я сбавила темп. В следующий момент меня знакомо парализовало.

– Насилу пробился, – произнес все тот же голос, забыла чей. – Совсем разумом тронулась, бедняга. Переборщил ты, батенька, для первого-то разу.

Он еще что-то продолжал бормотать, взваливая меня на плечо, а к моей неподвижности добавилась еще и потеря сознания. Наконец-то мой воспаленный разум заволокла темнота.

– Какое же ты удивительно красивое создание. Твое тело даже совершеннее, чем у нимфы лесной, а волосы мягкие, словно пух. И глаза... их я даже сравнить не знаю, с чем. Первый раз вижу такое несоответствие тела и разума...

Я понимала, что понемногу прихожу в себя. Только вот слышались ли мне эти слова на самом деле, а не являлись ли продолжением сна, никак не могла осознать.

– Разум твой, как у дитя малого. Отобрали любимую игрушку, истерику закатываешь, всех винишь вокруг... А ведь жизнь, она не игра, требует взрослого осмысленного отношения.

Как хорошо! Ласковые руки гладили мое тело, задерживаясь на груди, животе, рождая толпы мурашек. Зарывались в волосы... Мягкий рот прижимался к губам, лаская их языком, покрывая поцелуями шею, спускаясь с груди. Восставшие соски требовали, чтобы он снова накрыл их, погрузил во влажное тепло, тербил языком. Низ живота пульсировал и ноги не желали оставаться плотно сжатыми. Но не могла же я их раскинуть самым бесстыжим образом, тем более что, кажется, на эту часть тела никто пока не посягал. А жаль... Поцелуи спускались до пупка и чуть ниже, а потом снова возвращались к груди. Я таяла в эротическом сне и не хотела просыпаться.

Когда мои руки поднялись, чтобы обнять того, кто мне снился, а губы сами ответили на поцелуй, сделав его глубо-

ким и поистине волшебным, я вдруг отчетливо осознала, что никакой это не сон. Ну не может во сне все быть настолько реалистичным. Да и ни разу еще я до такой степени не возбуждалась даже не во сне. Вот тут я заставила свои глаза открыться и уткнулась взглядом в ярко-голубые с расширившимися от страсти зрачками.

– Что ты делаешь?! – завопила я, отталкивая от себя Ивана.

Одновременно с этим я поняла, что лежу перед ним совершенно голая. Моментально подскочила, забилась в угол и сжалась в комок, чтобы хоть немного прикрыться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.